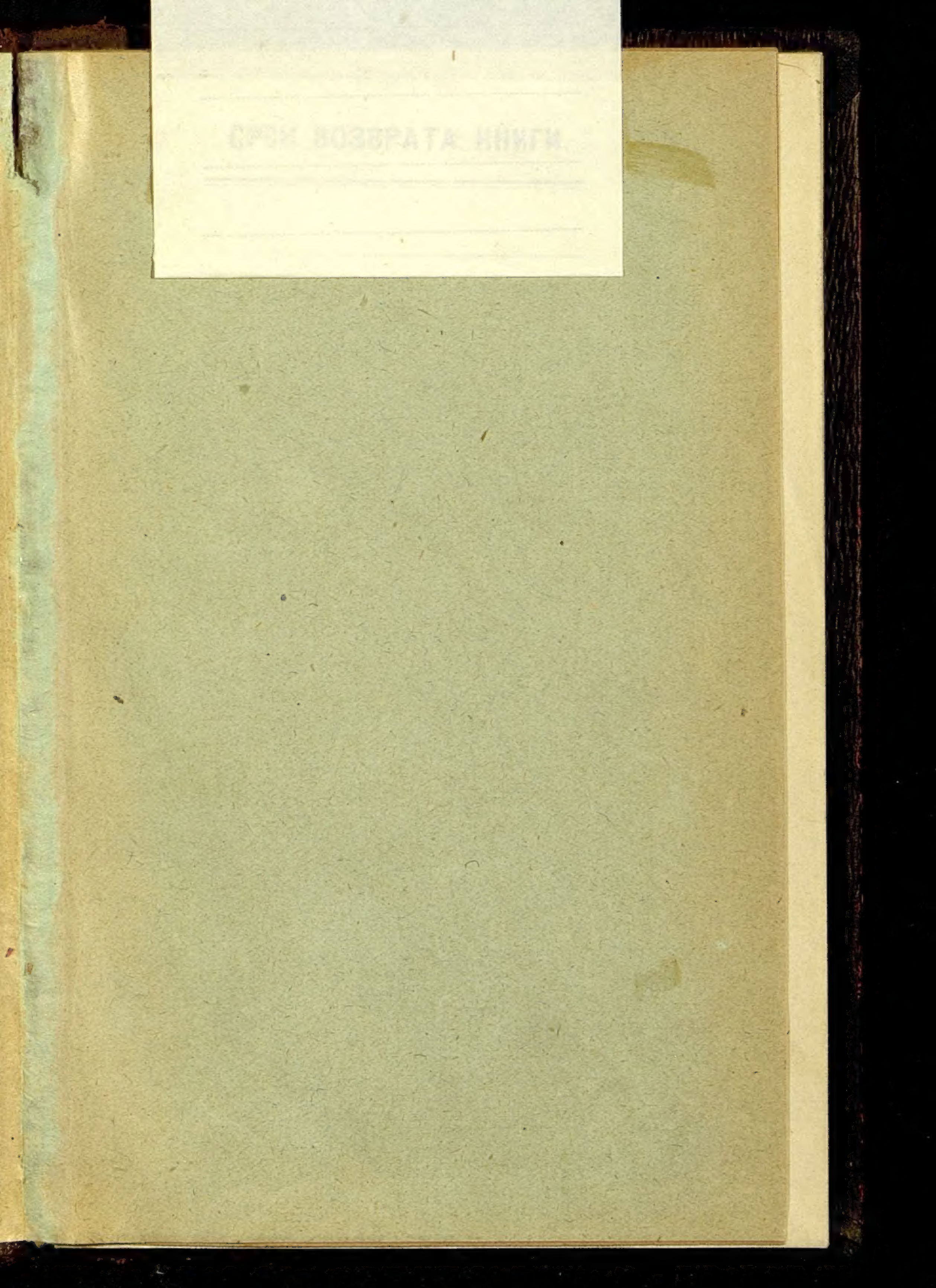
Любомудров С.
Изнанка
немецкой
культуры.

Варшава 1915

СРОК ВОЗВРАТА КНИГИ

С. ЛЮБОМУДРОВЪ.

Изнанка нѣмецкой культуры.

Русскій учитель—
жертвамъ войны.

Варшава 1915 г.

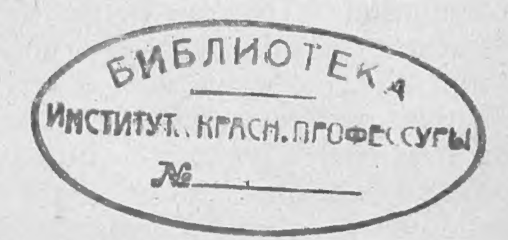
Печатано въ Варшавской Губернской Типографіи 1915 г.

Оттискъ изъ „Варшавскаго Дневника“.

Посвящается

другу моему

Ю. А. Галабутскому.

I. Переворотъ во взглядахъ на нѣмцевъ.

Говорятъ, что Россія — русское правительство — создало политическую мощь современной Германіи, во главѣ съ Пруссіей. Но съ неменьшимъ правомъ можно сказать, что Россія же — русское общество — способствовало міровому престижу современной нѣмецкой культуры. Всѣ мы передъ нѣмцами издавна испытываемъ чувство какого-то благоговѣнія и невольно заражаемъ этимъ чувствомъ и другія націи. Даже нашъ простой народъ, обыкновенно гораздо болѣе самостоятельный и положительный въ своихъ сужденіяхъ, нежели образованные классы нашего общества,—и тотъ какъ-то пасуетъ передъ нѣмецкой изобрѣтательностью и знаніемъ: „Нѣмецъ, извѣстно, обезьяну выдумалъ". Что же касается нашихъ придворныхъ и военныхъ сферъ, нашей администраціи, нашего ученаго и учебнаго міра, представителей землевладѣнія, промышленности, торговли, финансовъ и вообще нашей интелли-

генціи,—то всѣ мы до послѣдняго времени жили въ кабалѣ у нѣмцевъ, всякій на свой ладъ повторяя слова Грибоѣдова-Чацкаго, „что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья“.

Причинъ такого преклоненія можно указать нѣсколько. Я приведу лишь часть ихъ. Прежде всего здѣсь играетъ роль историческая традиція. Со временъ Петра Великаго нѣмцы прочно засѣли при Дворѣ, утвердились въ арміи и въ сферахъ чиновническихъ до такой степени, что, напр., во времена Императора Николая I, по вычисленіямъ одного нѣмецкаго писателя, составляли на высшихъ и среднихъ должностяхъ свыше 26%, „стоившихъ по своему вѣсу, власти, значенію, вліянію добрыхъ 74%“; недаромъ извѣстный острякъ, генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, просилъ какъ-то разъ Императора Николая Павловича оказать ему милость—произвести его въ нѣмцы. Въ періодъ крѣпостной, дворянско-земледѣльческой Россіи нѣмцы безпрерывнымъ потокомъ шли къ намъ въ качествѣ управляющихъ, земледѣльцевъ-колонистовъ, ремесленниковъ; въ эру развитія фабрично-промышленной дѣятельности они заняли тепленькія мѣстечки на фабрикахъ, заводахъ, въ

банкахъ, акціонерныхъ управленіяхъ; съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, послѣ того какъ пущенъ былъ въ ходъ афоризмъ, что „нѣмецкій школьный учитель побѣдилъ французовъ", они сдѣлались для насъ образцами для подражанія въ устройствѣ учебнаго дѣла: мы старались, хотя и тщетно, вымуштровать на нѣмецкій ладъ нашихъ гимназистовъ, поставить на нѣмецкую ногу наши университеты; съ той же, если не ошибаюсь, поры началось преклоненіе предъ нѣмецкой побѣдоносной арміей, а со времени Берлинскаго конгресса (1878 г.), надолго задержавшаго освобожденіе и развитіе славянства, такое же преклоненіе распространилось и на нѣмецкую дипломатію. Словомъ, благодаря ряду благопріятныхъ историческихъ комбинацій, нѣмецъ совсѣмъ сѣлъ намъ на шею.

Второй причиной является наше собственное неумѣнье и неохота устроить и упорядочить свою жизнь и проистекающее отсюда слишкомъ низкое о себѣ мнѣніе. Исходя изъ стараго положенія, что-де „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ", мы черезчуръ переоцѣниваемъ чисто показной порядокъ у нѣмцевъ, не замѣчая тѣневыхъ сторонъ ихъ жизни.

Мы благоговѣемъ предъ нѣмецкой наукой и искусствомъ; ѣздимъ — молодые и старые—набираться ума-разума въ германскихъ университетахъ, пренебрегая своими собственными разсадниками науки; преклоняемся предъ нѣмецкими научными авторитетами, игнорируя нашихъ соотечественниковъ. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ пораженъ былъ нашъ великій хирургъ Пироговъ, когда ему, не то въ Берлинѣ, не то въ Вѣнѣ, выразили удивленіе, зачѣмъ онъ пріѣхалъ изъ Россіи учиться хирургіи, когда тамъ есть своя знаменитость—„онъ самъ". У насъ въ музыкѣ благоговѣйно подражали Вагнеру и не знали Мусоргскаго; Кантъ и Гегель, Шиллеръ и Гёте изучались цѣлыми поколѣніями образованныхъ русскихъ, въ то время какъ о нашихъ родныхъ мыслителяхъ и поэтахъ не принято было и говорить въ обществѣ. Наконецъ, когда, благодаря свободѣ поѣздокъ и пребыванія за границей, развитію дешевыхъ путей сообщенія, не одни высшіе, но и средніе классы получили возможность посѣщать большіе нѣмецкіе города (въ родѣ Берлина, Мюнхена, Дрездена, Вѣны) и усердно рекламируемые курорты,—то влюбленность наша въ нѣмцевъ пріобрѣла уже и повальный характеръ. Мы

восхищались благоустройствомъ нѣмецкихъ городовъ, быстротой и упорядоченностью путей сообщенія, аккуратностью и добросовѣстностью нѣмцевъ, цѣлебными свойствами ихъ источниковъ (Наугеймъ, Карлсбадъ) и удобствами жизни на нѣмецкихъ „теплыхъ водахъ“, и мы покорно платили за все это упоминаемые у Тургенева „russische Narrenpreise“, хотя при естественныхъ богатствахъ нашей родины и при добромъ желаніи мы съ небольшими усиліями могли бы добиться того же самаго у себя за гораздо болѣе дешевую плату. Видя на каждомъ шагу у себя запущенность и безпорядки, возмущаясь нашимъ бездорожьемъ, нашей общей некультурностью, неумѣньемъ пользоваться тѣмъ, что дала природа, мы, вмѣсто того, чтобы приняться за дѣло и поправить его, только вздыхали и безпомощно восклицали: „Эхъ, что́ бы сдѣлали тутъ нѣмцы!“

Третьей причиной чрезмѣрнаго превознесенія нѣмецкой культуры я считаю нѣмецкую беззастѣнчивость и самохвальство. Набалованные нами Адамы Адамовичи и Карлы Ивановичи съ достоуважаемыми Матильдами и Маргаритами, наши управляющіе, фабриканты, аптекари, банковые дѣль-

цы, учителя, бонны, гувернеры, музыканты, вообразили себѣ, что они въ самомъ дѣлѣ призваны управлять и распоряжаться въ варварской Россіи, которая безъ нихъ никогда не поднялась бы изъ мрака своего невѣжества, что они-то какъ разъ и составляютъ въ странѣ истинную культурную силу, которой подобаетъ воздавать почтеніе и платить хорошія деньги. Это самомнѣніе и самохвальство замѣтно увеличилось съ той поры, какъ на берегахъ небольшой рѣчки Шпре выросъ большой и скучный - прескучный городъ Берлинъ, который разбилъ сперва датчанъ, потомъ австрійцевъ, затѣмъ французовъ, объединилъ вокругъ себя всѣхъ нѣмцевъ и внушилъ имъ мысль, что ихъ фатерландъ и они сами—первый народъ въ мірѣ. Мы же, будучи по природѣ весьма добродушны, безъ протеста увѣровали въ нѣмецкое превосходство и, видя въ современныхъ германцахъ потомковъ великихъ мыслителей, поэтовъ, художниковъ, государственныхъ и военныхъ дѣятелей, почитали въ нихъ великій народъ, преклонялись предъ ихъ нравственными качествами — вѣрностью, честностью, аккуратностью, цѣломудріемъ, необыкновеннымъ трудолюбіемъ и настойчивостью, недостижи-

мой для нас дисциплиной и иными различными доблестями, которыя мы привыкли ставить въ примѣръ себѣ и нашимъ дѣтямъ, мысленно повторяя вслѣдъ за природными нѣмцами: „Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!“

Пришла война. Ея начало въ свѣжей памяти у всѣхъ насъ.

Живя на рубежѣ Россіи, въ сотнѣ верстъ отъ границы, мы здѣсь, въ Варшавѣ, думали, что въ случаѣ прибытія въ „наши веси и грады“ германской дисциплинированной арміи, намъ, мирнымъ обывателямъ, придется, конечно, испытать нѣкоторыя репрессіи, связанныя съ временной оккупацией, но нечего бояться ни за имущество, ни за честь, ни за жизнь. Но явились бѣженцы изъ-за границы, изъ пограничныхъ мѣстностей, ограбленные, униженные, оскорбленные, поруганные, едва спасшіеся отъ смерти, грянула, какъ громъ, вѣсть о дикихъ расправахъ майора Пройскера въ Калишѣ, о разнузданныхъ лейтенантскихъ оргіяхъ въ Ясногорскомъ монастырѣ; изъ-за границы пришли вѣсти о разгромѣ Лувена, бомбардировкѣ Реймса; съ полей битвъ стали доноситься стоны раненыхъ, добиваемыхъ и истязуемыхъ нѣмецкими капра-

лами, и, увы! даже нѣмецкими сестрами милосердія; газетныя корреспонденціи запестрѣли разсказами объ ужасахъ, творимыхъ не войсками, а „ордами“ кроваваго кайзера, попирающими законы божескіе и человѣческіе, засвистѣли пули думъ-думъ, полились въ лицо нашимъ „сѣрымъ героямъ“ потоки зажженной нефти и сѣрной кислоты, воздухъ отравляли химическими ядами, сверху съ аэроплановъ бросали въ мирныхъ жителей бомбы и стрѣлы, нѣмецкія мины закрыли мореплаваніе, а нѣмецкія подводныя лодки стали топить мирныя суда,—и всѣ, кто доселѣ привыкъ ставить высоко нѣмецкое имя, ужаснулись и содрогнулись. Что это случилось съ нѣмцами? Откуда взялись у нихъ такіе нечеловѣческіе пороки, такія неслыханныя безобразія? Какъ это такъ передовой цивилизованный народъ Европы „вдругъ“ превратился въ дикаго, разнузданнаго звѣря? германцы въ гунновъ?! Такъ говорили и писали и за границей, и у насъ въ Россіи— и эта „психическая метаморфоза“ нѣкоторое время оставалась какой-то непонятной загадкой въ глазахъ мирныхъ обывателей и вызывала нескрываемое чувство всеобщаго возмущенія и недоумѣнія.

Мало по малу, однако, стали высказываться мысли и слагаться убѣжденіе, что это „душевное перерожденіе всего нѣмецкаго народа" не есть что-либо внезапное, что оно подготовлялось уже давно, и что мы, увлекшись казовой стороной современной нѣмецкой культуры, не обратили вниманія на ея изнанку и упустили изъ вида тѣ симптомы, которые указывали на болѣзнь, подтачивающую живой народный организмъ; лишь война—этотъ безпощадный хирургъ—вскрыла гноящіяся раны и указала, какимъ серьезнымъ „порокомъ сердца" страдаетъ современная Германія.

Мы привыкли смотрѣть на нѣмецкую культуру по большей части „подъ флеромъ художественнаго или научнаго романтизма": имена Гёте, Шиллера, Лейбница, Канта, Вирхова, Гельмгольца, Момзена, Вагнера вскружили намъ голову и затуманили наши глаза. Эта „идеальная Германія" закрыла отъ насъ „Германію реальную", Германію второй половины XIX вѣка, которая, забывъ мечты и завѣты прошлаго, промѣняла „гегемонію въ царствѣ мысли" на „зеленое пастбище всеобщаго благополучія" и, рѣшивъ „искать себѣ мѣста подъ солнцемъ", спиной повернула къ своимъ старымъ

учителямъ и выбрала себѣ иныхъ вождей, иныхъ вдохновителей, чьи идеи, жизнь и дѣятельность воодушевляютъ и наполняютъ все существо современнаго нѣмца.

II. Манія величія.

Исходя изъ любимой нѣмецкой поговорки, что „die beste Revolution ist immer im Kopfe“, начнемъ съ теоретиковъ, философовъ и историковъ, въ теченіе продолжительнаго періода времени подготовлявшихъ нѣмецкій народъ къ выступленію на міровой сценѣ въ той неприглядной роли, которую онъ, хотя-не-хотя, разыгрываетъ сейчасъ. Философа Фихте считаютъ духовнымъ отцомъ „возрожденія Германіи“ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Въ 1808 году онъ былъ приглашенъ прусскимъ правительствомъ въ Берлинъ, гдѣ подъ звуки французскаго барабана, въ виду французскихъ штыковъ, сверкавшихъ подъ окнами берлинской академіи, онъ произнесъ рядъ знаменитыхъ „Рѣчей къ нѣмецкому народу“, полныхъ энтузіазма и высокаго патріотическаго подъема. Хотя Фихте, по своему философскому направленію, считается представителемъ „идеализма“, но какъ въ его философскихъ работахъ, такъ и въ его рѣчахъ уже звучатъ первыя ноты нѣмецкаго „шовинизма“, превра-

тившагося у его послѣдователей въ цѣлыя оглушительныя симфоніи. Основнымъ лейтъ-мотивомъ этихъ позднѣйшихъ произведеній является какъ разъ ученіе Фихте о существованіи издревле „нормальнаго“ народа, который окружаютъ низшія расы—„трусливые и грубые, рожденные изъ земли дикари“ (scheue und rohe erdgeborene Wilde), живущіе грубо-чувственною жизнью. Задача нормальнаго народа провозгласить принципы разума, повести дикихъ къ свободѣ... Такимъ народомъ могутъ быть только нѣмцы, „обитатели сердца Европы“. Послѣдователь Фихте Гегель въ 20-хъ годахъ XIX в., обосновывая въ берлинскомъ же университетѣ свое ученіе объ „обожествленномъ государствѣ, какъ совершенномъ воплощеніи разума въ жизни человѣчества, какъ абсолютную самоцѣль, какъ проявленіе всемірнаго духа“—недвусмысленно указываетъ на Пруссію, какъ на такое государство, на которомъ этотъ „духъ“ почіетъ предпочтительно передъ всѣми остальными государствами. Подъ вліяніемъ указанныхъ философскихъ ученій, подъ угаромъ политическихъ удачъ и завоеваній, выпавшихъ на долю прежде униженной Германіи, въ странѣ создается общее „идеологическое

теченіе“, поддерживаемое извѣстными учеными (напр., Момсеномъ, Трейчке), подогрѣваемое шовинистической прессой, на трезвый взглядъ посторонняго человѣка совершенно непонятное и превратное, подъ вліяніемъ котораго открыто проповѣдуется, будто нѣмцы какой-то особый народъ, самимъ Провидѣніемъ избранный для осуществленія на землѣ идеала помощью власти надъ другими народами.

„Торжество и господство германизма,—говоритъ одинъ изъ такихъ убѣжденныхъ писателей,—предопредѣлено самимъ Божественнымъ Промысломъ, уготовавшимъ нѣмецкому народу въ мѣсто жительства и подвиговъ самыя лучшія и центральныя мѣстности въ самой лучшей и центральной части свѣта, въ Европѣ (sic!), и это съ той, конечно, цѣлью, дабы избранный Богомъ народъ нѣмецкій, мирно упражняясь на славу и украшеніе человѣчества въ усовершенствованіи своихъ высшихъ, исключительно ему принадлежащихъ, способностей и добродѣтелей, могъ спокойно благоденствовать и неукоснительно выполнять свое предопредѣленіе, т. е. безпрепятственно повелѣвать истощеннымъ и отжившимъ Юго-Западомъ и господствовать и хозяйничать на Славянскомъ

Востокѣ съ тою честностью и прямотою, какая нѣмцамъ благоприлична, но не слабо, не вяло, не довѣрчиво-снисходительно и добродушно, а съ мудрой справедливостью и быстрой энергіей".

„Германцы,--указываютъ адепты этой теоріи,—стоятъ выше другихъ расъ уже по своимъ физическимъ признакамъ: древній германскій типъ, характеризуемый высокорослостью, бѣлокуростью, голубоглазостью, долихокефаліей, сохранившійся доселѣ на сѣверѣ, былъ носителемъ культуры въ Галліи, Испаніи, Италіи; величайшіе герои этихъ странъ были потомками германцевъ; такъ, Данте, Тассо (изъ нѣм. Dasse), Петрарка, Микель-Анджело, Леонардо да-Винчи (отъ Winke), Рафаэль, Хр. Колумбъ, Галилей, Гарибальди (Garipalt), Верди (Werdo, Werth) были по крови германцами; германскій типъ имѣли: Кольберъ, Мазарини, Декартъ, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Наполеонъ I, Лавуазье, Кювье и даже В. Гюго. Вообще эпоха Возрожденія и послѣдующее развитіе культуры въ романскихъ странахъ были результатомъ проникновенія туда германской расы, а паденіе ея обусловлено было вымираніемъ „бѣлокурыхъ" отъ смѣшенія съ туземцами".

Для постороннихъ слушателей или читателей подобныя тирады ученыхъ людей могутъ показаться прямо бреднями, тѣмъ болѣе, что исторія учитъ насъ видѣть въ германцахъ скорѣе разрушителей, нежели проводниковъ античной цивилизаціи; но нѣмцы, подъ вліяніемъ этой „mania grandiosa“, совершенно серьезно смотрятъ на другія націи, какъ на низшія. Въ ихъ систематической головѣ современные народы располагаются подъ такими этикетками: 1) Vollkulturvolk есть только народъ германскій; лишь онъ обладаетъ въ полной степени настоящей культурой, „выражающейся въ глубочайшей морали“, по мнѣнію кайзера; 2) кромѣ того существуютъ просто Kulturvölker, отчасти Halbkulturvölker,— это остальные европейскіе народы: англичане, шведы, французы, итальянцы, испанцы и т. д., которымъ всегда чего-нибудь недостаетъ сравнительно съ нѣмацми; 3) наконецъ, существуютъ еще доселѣ Naturvölker —варвары; къ послѣднимъ принадлежатъ въ Европѣ славяне, истребителемъ которыхъ, по примѣру Карла Великаго, еще такъ недавно похвалялся быть Вильгельмъ II. Хотя славяне по языку и родственны германцамъ, но они представляютъ изъ себя расу низ-

шую и относятся къ германцамъ, какъ женщина къ мужчинѣ. Славяне—раса пассивная, германцы — раса активная. Нѣмцы захватили у славянъ и онѣмечили болѣе 8,000 кв. миль славянской земли и доставили своему языку господство у 30 слишкомъ милліоновъ славянъ и другихъ племенъ т. н. „субгерманской“ Европы. Всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства безполезны, безсмысленны и тщетны. „Въ случаѣ временной удачи, — говоритъ Трейчке,— потеряли бы сами славяне, лишившись руководительства назначенныхъ имъ Провидѣніемъ повелителей, учителей, обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister), а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ“.

А вотъ какъ характеризуютъ вѣрные прихвостни нѣмецкой культуры, наши балты, спеціально русскихъ: „Русскіе почти лишены характера. Въ точныхъ наукахъ они сдѣлали страшно мало. У нѣмцевъ масса философовъ, у русскихъ одинъ Л. Толстой (!), да и тотъ не оригиналенъ. Они мастера въ пѣніи и музыкѣ... и только. Нравственный уровень простого народа очень низокъ: мужикъ работаетъ мало; за него все дѣлаетъ „баба“, которую онъ даже за человѣка не почита-

етъ. Не лучше мужика и русскій чиновникъ. Самое названіе его «происходитъ отъ монгольскаго слова „чинъ“, что значитъ „сгибаться“. Русскій чиновникъ пресмыкается предъ тѣмъ, кто стоитъ выше, и помыкаетъ тѣмъ, кто ниже его. Бумага — символъ русскаго чиновничества. Вездѣ человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души; въ Россіи—изъ тѣла, души и бумаги. Русская интеллигенція не имѣетъ понятія о правильной семейной жизни, о патріотизмѣ; всякій національный смыслъ ей чуждъ; это общество, въ которомъ не существуетъ никакого уваженія ни по отношенію къ самому себѣ, ни по отношенію къ кому-либо другому“. „Русская литература,—говорилъ мнѣ одинъ молодой человѣкъ, прошедшій курсъ гимназіи,—на насъ, нѣмцевъ, производитъ впечатлѣніе „лакейской“; въ ней нѣтъ героевъ, въ ней все высмѣяно“... Но больше всего достается русскимъ женщинамъ. По внѣшнему виду „русская“ граціозна, изящна, исполнена фантазіи; она занята всѣмъ, но крайне поверхностно; это очень привлекательная собесѣдница, но дурная жена и мать; менѣе всего она „жрица нравовъ“, а эмансипированная русская считаетъ себя свободной отъ послѣднихъ остатковъ

нравственности и скромности: она лѣнива, безпорядочна, непрактична и т. д. и т. д.

Наоборотъ, все, что носитъ штемпель „нѣмецкаго“, стоитъ въ глазахъ нѣмцевъ внѣ конкурса: нѣмецкая наука и искусство, нѣмецкая армія и дипломатія, нѣмецкая семья и школа, нѣмецкія женщины, даже нѣмецкое вино и пиво—лучшія въ мірѣ. У нѣмцевъ есть свой собственный нѣмецкій Богъ „Alter, deutscher Gott“, который нарочито благоволитъ къ нимъ и считаетъ ихъ дѣло своимъ дѣломъ, ихъ интересы своими интересами и который, когда настанетъ время, поможетъ имъ свершить ихъ великую міровую миссію.

Послѣ всего этого для насъ, можетъ быть, станетъ болѣе понятной та психика, которую проявляютъ нѣмецкій народъ, нѣмецкая армія и ея вожди въ настоящей войнѣ. Нежеланіе подчиниться нѣмецкой указкѣ, нѣмецкимъ требованіямъ выводитъ нѣмцевъ изъ себя, такъ какъ это совершенно нарушаетъ сложившееся у нихъ убѣжденіе въ возложеніи на нихъ Провидѣніемъ задачи,—покорить міръ и дать человѣчеству совершенно новые, нѣмецкіе законы. Нѣмецъ вовсе не безнравственный человѣкъ и не жестокій

дикарь самъ по себѣ, но вся его человѣческая нравственность и европейская цивилизація забываются и исчезаютъ, когда ему приходится отстаивать національную химеру. Нѣмецкая публика, состоящая изъ людей не только грамотныхъ, но и прямо образованныхъ, неистовствуетъ противъ безпомощныхъ иностранцевъ, которые принадлежатъ странамъ, посмѣвшимъ не исполнить „ультиматума“ ихъ кайзера, нѣмецкіе ученые и публицисты нагло попираютъ культъ права и на мѣсто его возводятъ культъ „бронированнаго кулака“, нѣмецкій солдатъ съ гордымъ лозунгомъ на своей каскѣ „für Gott, König und Vaterland“ идетъ „не на войну съ врагомъ“, а „въ карательную экспедицію“ на возставшихъ и при укрощеніи послѣднихъ считаетъ нравственно дозволенными всякіе эксцессы, повидимому, совершенно чуждые его природѣ. Наши солдаты при первой же встрѣчѣ съ настоящими нѣмцами въ Августовскихъ лѣсахъ прекрасно подмѣтили и по своему охарактеризовали эту „нѣмецкую спесь“: „У его, германца, гордость вредная; онъ ровно обижается, когда въ него стрѣлять начнешь“.

Этой же всеобщей мегаломаніей во многомъ объясняется и вызывающее

поведеніе Вильгельма II. „Я — орудіе Всевышняго; я—Его мечъ, Его представитель на землѣ! Горе и смерть тѣмъ, кто возстанетъ противъ меня! Горе и смерть тѣмъ, кто не повѣритъ въ мое призваніе! Да погибнутъ всѣ враги германцевъ! Богъ, говорящій моими устами, ихъ погибель!"—говоритъ Вильгельмъ, желая охарактеризовать свое личное міровое призваніе.

„У солдатъ не должно быть своей воли, моя воля—законъ. Если я прикажу вамъ застрѣлить вашихъ отца, мать, сестеръ и братьевъ, вы должны повиноваться мнѣ", говоритъ кайзеръ въ казармахъ, обращаясь къ новобранцамъ. „Германскій духъ стремится къ міровладычеству", заявляетъ онъ въ Ахенѣ. „Да будетъ суждено нашему нѣмецкому отечеству сдѣлаться такимъ же, какой нѣкогда была всемірная римская имперія, чтобы, какъ въ древнія времена достаточно было заявленія: „civis Romanus sum", такъ и теперь говорили: „Ich bin ein deutscher Bürger", вѣщаетъ онъ въ 1914 г. въ Заальбургѣ.

Когда же чужая, мощная воля сосѣднихъ правителей и государствъ ставитъ препоны его властолюбивымъ замысламъ, онъ теряетъ всякое душевное равновѣсіе. Онъ посылаетъ

грозныя письма королямъ бельгійскому и греческому, онъ отдаетъ по арміи кровавые приказы: „плѣнныхъ не брать, раненыхъ добивать, казаковъ истязать.“ На поляхъ Фландріи онъ открыто приглашаетъ стараго пріятеля—нѣмецкаго бога—помочь ему въ кровавыхъ затѣяхъ: въ разоренной Лодзи и Ловичѣ ждетъ à la Наполеонъ пышныхъ депутацій отъ измученнаго населенія; онъ, какъ какой-то не то полубогъ, не то сверхчеловѣкъ, несется на своемъ молніеносномъ автомобилѣ по улицамъ Берлина, и горнисты играютъ воинственную фанфару изъ Вагнера, а берлинцы и берлинки падаютъ на колѣни и съ панели мостовой простираютъ къ нему руки съ кликами: „Heiliger Kaiser, Heiliger Kaiser.“ Страсть къ рекламѣ заставляетъ Вильгельма, забывая о своемъ высокомъ санѣ, дѣлать неподходящія выступленія, разыгрывать двусмысленныя роли. Въ дни боксерскаго движенія въ Китаѣ онъ рисуетъ знаменитую картину съ изображеніемъ ужасовъ монгольскаго нашествія: безграничная степь, зарева пожаровъ, безчисленныя полчища азіатовъ, на скалѣ женщины: Россія, Франція, робко жмущіяся къ третьей—Германіи, внизу подпись: „народы Европы, спасайте

ваше культурное наслѣдіе",—и этимъ настолько увлекаетъ воображеніе даже передовыхъ людей своего времени, что, напримѣръ, нашъ покойный философъ Вл. Соловьевъ посвящаетъ ему восторженное стихотвореніе; въ Дамаскѣ, во время своего путешествія на Востокъ, онъ объявляетъ себя наравнѣ съ султаномъ повелителемъ правовѣрныхъ; въ своей „Исповѣди" (1903 г.) заявляетъ, что Богъ призвалъ его и избралъ для того, чтобы вѣщать на землѣ Свою волю; онъ служитъ на палубѣ „Гогенцоллерна", какъ пасторъ, духовныя мессы и произноситъ проповѣди, на борту того же „Гогенцоллерна" демонстративно, наканунѣ объявленія войны, привѣтствуетъ русскимъ гимномъ какой-то грузовой пароходъ, идущій подъ русскимъ флагомъ, и т. д., и т. д.

III. Бисмаркъ и прусское вліяніе.

Однако, кровавый кайзеръ, вопреки мнѣнію многихъ, видящихъ въ немъ главнаго виновника общеевропейской войны, является въ моихъ глазахъ не дѣйствующей причиной, но скорѣе невольнымъ слѣдствіемъ общаго умопомраченія нѣмцевъ. Дѣйствительнымъ и мощнымъ вторымъ факторомъ въ развитіи повальной болѣзни „мегаломаніи" слѣдуетъ считать личность, гораздо болѣе сильную, нежели Вильгельмъ II, вождя и знаменосца Германіи, за которымъ и современники, и начинающаяся уже исторія упрочили славу выдающейся политической фигуры, центра всѣхъ историческихъ событій въ Европѣ во второй половинѣ XIX вѣка. Я разумѣю, конечно, Оттона-Эдуарда-Леопольда князя Бисмарка.

Вотъ его краткій послужной списокъ. По происхожденію сынъ феодала-юнкера изъ Бранденбурга, задорный гимназистъ, бреттёръ-студентъ, сумасбродный баронъ - помѣщикъ, представитель юнкерской партіи въ прусскомъ ландтагѣ, поборникъ абсо-

лютизма въ рейхстагѣ, въ 1864 г. ограбившій Данію, въ 1866 г. разгромившій Австрію, въ 1870 г. раздавившій Францію, создатель (въ 1871 г.) и канцлеръ Германской имперіи, перекроившій карту средней Европы и поставившій весь міръ подъ ружье, злой геній Россіи, вѣчно съ ней заигрывавшій и за спиной ея интриговавшій, авторъ берлинскаго конгресса, виновникъ польскихъ репрессій, распрей и угнетенія славянъ на Балканахъ, иниціаторъ нѣмецкой колонизаціи въ Россіи и боевыхъ пошлинъ; человѣкъ желѣзной воли, страстнаго темперамента, ума могущественнаго, но жестокаго; цинично щеголявшій отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ въ своей политикѣ „крови и желѣза" (его девизы: „сила подавляетъ право", „всѣ средства хороши, лишь бы они вели къ желанной цѣли", „нравственность —понятіе отвлеченное, въ политикѣ непригодное"); великій патріотъ своей родины, вынесшій на своихъ плечахъ объединеніе Германіи и пожавшій еще при жизни благоговѣйное почитаніе всей націи,—Бисмаркъ явленіе исключительное; это типичный представитель и воплотитель на практикѣ идеи всемірнаго господства при помощи прусскаго кулака. Какъ практическій

дѣятель, Бисмаркъ наложилъ неизгладимую печать на характеръ всего нѣмецкаго народа; онъ, можно сказать, переродилъ нѣмецкое міросозерцаніе. Нація мыслителей и поэтовъ превратилась подъ его давленіемъ въ купцовъ и воиновъ. На мѣсто культа личности, царившаго во времена Гёте, Шиллера, нѣмецкаго романтизма, былъ поставленъ культъ всепоглощающаго государства съ грознымъ лозунгомъ: „in Reih' und Glied" —„сомкнутыми рядами на враговъ". Словомъ, Бисмаркъ „опрусачилъ Германію".

Не безъ болѣзненнаго чувства предугадывался и ощущался лучшими умами этотъ переломъ во внутренней жизни народа, когда онъ былъ еще, такъ сказать, въ самомъ зародышѣ. Такъ Гейне въ письмахъ изъ Франціи еще въ 1832 году слѣдующими рѣзкими штрихами отмѣчаетъ грядущее опошленіе и огрубѣніе Германіи: „Съ безпокойствомъ смотрю я на прусскаго орла, и въ то время, какъ другіе восхищаются тѣмъ, какъ онъ смѣло глядитъ на солнце, я останавливаю свое вниманіе на его когтяхъ. Не довѣряю я этому пруссаку, этому долговязому ханжествующему герою въ штиблетахъ, съ огромнымъ желуд-

комъ и огромной пастью, и съ капральской палкой въ рукахъ, которую онъ обмакиваетъ въ святую воду, прежде чѣмъ ударить ей. Не нравится мнѣ эта философско-христіанская солдатчина, эта смѣсь бѣлаго пива, лжи, песка. Противна, глубоко противна мнѣ эта Пруссія, эта чопорная, лицемѣрная, ханжествующая Пруссія, этотъ Тартюфъ между государствами".

Но добрые „бюргеры", загипнотизованные магической личностью канцлера и оглушенные шумихой развивавшихся съ головокружительной быстротой событій, ослѣпленные блескомъ милліардной французской военной контрибуціи и услаждаемые многомилліонной мирной данью, которую платила имъ по торговымъ договорамъ покорная Россія, — эти нѣмцы были очень довольны наступившимъ прусскимъ режимомъ и легко примирились съ потерей правъ политическихъ, до которыхъ мало кому было дѣло. „Нѣмецъ, говоритъ тотъ-же Гейне, похожъ на раба, повинующагося своему господину безъ помощи веревокъ, кнута, только по его слову, даже по его взгляду; рабство въ немъ самомъ, въ его душѣ".

Годы прусскаго владычества сдѣлали свое дѣло. Германія возвысилась политически до небывалой высоты, развилась въ экономическомъ отношеніи настолько, что стала соперничать съ Англіей, отстроилась, разбогатѣла: ея столица Берлинъ изъ прежняго совсѣмъ безобиднаго и крайне скучнаго города превратилась въ какой-то плацъ-парадъ ходульнаго милитаризма, бьющій въ глаза иностранцу своей мѣщанской роскошью: но въ области проявленій духовныхъ, въ особенности за послѣднее время, замѣтно сказываются слѣды упадка творчества и какъ бы исчезновеніе оригинальности и самостоятельности мысли. „Германія отъ побѣдъ поглупѣла", говоритъ Ницше. Религія потеряла свое господствующее положеніе и стала покорной служанкой государства. Лютеранская церковь—благоустроенная, и пасторы—благоприличные, упорядоченные, нравственные люди. Въ университетахъ есть богословскіе факультеты, и лютеранское богословствованіе считается по научной высотѣ первымъ въ свѣтѣ. Кромѣ того, богослуженіе ихъ почти все состоитъ въ томъ, что пасторъ говоритъ проповѣдь слушателямъ, а эта проповѣдь всегда на

возвышенныя религiозныя темы и преимущественно на темы нравственныя. Почему же религiя оказалась безсильной сдержать „звѣрскiе инстинкты“, когда началась война? Потому что ихъ пробужденiе казалось полезнымъ для борьбы съ врагами государства. Гдѣ же остались проповѣди о христiанскомъ милосердiи, о чистотѣ жизни и на тому подобныя темы? Вся эта христiанская мораль была отмѣнена въ армiи приказами кайзера и его полководцевъ. „Нѣмцы въ Берлинѣ,--говоритъ одинъ изъ современныхъ русскихъ писателей,--теперь совершаютъ свои богослуженiя не въ кирхѣ, а возлѣ памятника Бисмарка, противъ рейхстага. Вотъ куда они ежедневно сходятся съ дѣтьми и женами и преклоняются предъ этимъ памятникомъ. У нихъ культъ религiозный слился съ культомъ государственнымъ; они молятся молитвами королевской Пруссiи и кайзеровской Германiи, а эти молитвы—молитвы захвата, захвата еще и еще и господства надъ мiромъ. Потерявъ всякую мѣру въ своемъ ослѣпленiи, они доходятъ до богохульства; они отождествляютъ названiе „Deutsch“ со словомъ „Deus“—Богъ, такъ что по ихнему выходитъ, что „Богъ—нѣмецъ“, а „нѣмецъ—

Богъ". По ихъ мнѣнію и „Христосъ германскаго происхожденія".

Нѣмецкіе университеты и нѣмецкіе профессора продолжаютъ славиться на весь міръ. Но какимъ духомъ проникнуты эти храмы цивилизаціи? Что отвѣтили ихъ заправилы на призывъ французскихъ ученыхъ, обратившихся къ нимъ съ воззваніемъ вооружиться противъ варварскихъ пріемовъ войны? Не бѣда, если современная европейская культура будетъ погребена подъ развалинами; не бѣда, если будетъ уничтожена лувенская библіотека,изуродованъ реймсскій соборъ,— нѣмцы, по окончаніи побѣдоносной войны,дадутъ міру новые законы и новую, гораздо высшую культуру. Это ли не лучшее подтвержденіе мысли, высказанной еще французомъ Лагарпомъ, что кромѣ обычнаго варварства дикарей существуетъ еще особое „ученое варварство". И, откровенно говоря, нечего особенно удивляться этому „варварству нравовъ нѣмецкихъ ученыхъ". Непоколебимые авторитеты въ своей, часто весьма узкой спеціальности, они не получили никакого воспитанія: это „ученые ремесленники", вышедшіе изъ „буршей", проведшіе свои университетскіе годы въ различныхъ союзахъ (Biervereine), сре-

ди университетскихъ „пивныхъ судовъ“ (Biergerichte). Ихъ лучшими воспоминаніями остаются университетскіе Frühschoppen, Akzessschmaus (вступительныя), Absolutionsschmaus (прощальныя) пирушки съ пошлой „саламандрой“ (Salamandrareiben), а затѣмъ университетскія Krieger-Turn-Sport-vereine, студенческія дуэли на шлегерахъ, шрамы на лицѣ отъ этихъ дуэлей, которыми гордятся даже весьма почтенные профессора. Перенесите такого ученаго съ университетской каѳедры на театръ войны, гдѣ царствуетъ одна сила и гдѣ разнузданы самые грубые инстинкты, — и вы не удивитесь,если они будутъ вести себя, какъ первобытные дикіе люди. И эта грубость нрава удивительнымъ образомъ уживается въ нѣмцахъ съ слѣпой преданностью своей наукѣ, своей спеціальности. Можетъ быть, многіе не обратили вниманія на фактъ, сообщенный въ одной изъ варшавскихъ газетъ за первые мѣсяцы войны. Ведутъ партію плѣнныхъ,среди которыхъ обращаетъ вниманіе маленькій подслѣповатый старичокъ, съ застывшимъ изумленіемъ въ лицѣ, почему-то въ казачьей папахѣ. Корреспондентъ вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. Пруссакъ оживляется.—„О, это боль-

шое недоразумѣніе! Я, знаете-ли, профессоръ берлинскаго университета, по спеціальности ботаникъ. Маршируя рядомъ съ солдатами подъ Радомомъ, я вдругъ замѣтилъ рѣдкую породу растенія. Натурально, я оставилъ своихъ, полѣзъ въ болото... и попалъ въ руки казаковъ. Меня извлекли безъ каски, но это не бѣда: одинъ изъ казаковъ далъ мнѣ свою папаху. Самое трагическое то, что я, въ погонѣ за этимъ проклятымъ растеніемъ, потерялъ въ этомъ болотѣ и свои очки, а безъ нихъ я шагу ступить не могу: ничего не вижу".

Въ нѣмецкой средней школѣ, предметѣ зависти и,въ былыя времена,тщетнаго подражанія со стороны насъ, русскихъ, въ этой разсадницѣ античной культуры и общечеловѣческой гуманности, процвѣтаетъ прусскій шовинизмъ, готовящій патріотовъ хищниковъ и истребителей, воспитанныхъ при помощи традиціоннаго нѣмецкаго Rohrstock, вѣроятно, съ цѣлью удержанія въ юношествѣ необходимыхъ въ будущемъ „хищныхъ наклонностей", какъ о томъ писалъ одинъ нѣмецкій авторъ еще въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія.

Что сказать о современной нѣмецкой литературѣ и искусствѣ? Не счи-

тая себя компетентнымъ судьей въ этой области, не берусь разбирать произведенія главнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ писателей — Зудермана, Гауптмана, или оцѣнивать музыку Штрауса, Регера, Вагнера-сына; я лучше сошлюсь на тотъ общеизвѣстный фактъ, что за послѣдніе годы русскіе писатели: Достоевскій, Тургеневъ, Чеховъ, Толстой, Горькій, какъ-то оттѣснили у нѣмцевъ „своихъ", а произведенія русскихъ композиторовъ — Чайковскаго, Бородина, Рахманинова и другихъ, заполнили концертныя программы не одного Берлина; значитъ „свои" не удовлетворяютъ болѣе даже патріотически настроенныхъ согражданъ.

Позволяю себѣ привести также впечатлѣнія изъ личныхъ наблюденій во время своей послѣдней поѣздки по Германіи въ 1906 году. Мнѣ, между прочимъ, пришлось ѣхать по Рейну на рейсѣ отъ Кельна до Майнца на чистенькомъ съ иголочки и очень красивомъ, хотя, по нашимъ понятіямъ, сравнительно съ удобствами на волжскихъ рейсахъ, черезчуръ тѣсномъ пароходѣ „Kaiser Wilhelm". Ѣхавшая со мной публика, сытые, толстые нѣмцы представляли не просто мирныхъ обывателей, выбравшихся въ лѣтнюю

пору прокатиться по рѣкѣ, но такъ или иначе титулованныхъ особъ: они называли другъ друга Herr Professor, Herr Oberlehrer, Herr Commerzienrath, Mitglied Industrievereins, Actiongésellschaft и т. д.; разговоры ихъ были содержанія серьезнаго, особенно когда дѣло касалось недалекой Франціи; аппетиты ихъ были, соотвѣтственно разговорамъ, солидные. Мѣста по обоимъ берегамъ Рейна шли очаровательныя: горы, лѣса, замки, тщательно воздѣланные виноградники. Но на всемъ лежала печать какой-то удивительной безвкусицы; природныя красоты были въ значительной мѣрѣ испорчены пестрящими по берегамъ вывѣсками съ бьющими въ глаза рекламами; и временами казалось, что и самая окружающая природа не настоящая, а подкрашенная, картонная, нарочно размалеванная для привлеченія путешественниковъ. Чувствовалось отсутствіе воздуха, шири, простора, непринужденности... Вотъ показался знаменитый утесъ Лорелей; высокій, нависшій утесъ на заворотѣ рѣки; головокружительная красота и очарованіе; встаютъ въ памяти стихи Гейне: „Ich weiss nicht, was soll es bedeuten“; хотѣлось бы услышать пѣніе; думалось: вотъ-вотъ запоютъ нѣмцы; они

мастера на хоровыя пѣсни. Ничего подобнаго! Большая часть пассажировъ спокойно спускается на обѣдъ въ столовую, едва удостаивая взгляда чудный романтическій уголокъ, исторгавшій слезы восхищенія у ихъ отцовъ и дѣдовъ. Другое дѣло—„Національный памятникъ“ у Rüdesheim'а, гордо высящійся на горѣ противъ французскаго берега; тутъ вся публика на борту; выраженіямъ какого-то плотояднаго восторга нѣтъ границъ: „In Reih und Glied!“ „Deutschland über alles!“ Да! думалъ я, смотря на своихъ попутчиковъ,—это какая-то „Новая Германія“; исчезла, умерла та мечтательница, свѣтившая всему человѣчеству, идиллическій сонъ которой такъ умильно-трогательно воспѣлъ Гейне въ своей „Зимней сказкѣ:“

„Утопая въ перинѣ, всѣхъ нѣмцевъ душа
Забываетъ земныя оковы—
И, свободная, рвется она къ небесамъ,
Исчезаетъ и тонетъ въ эѳирѣ...
Милыхъ нѣмцевъ душа! О, какъ гордъ твой полетъ
Въ царствѣ сновъ, въ фантастическомъ мірѣ...

Пусть Россія и Франція правятъ землей,
На моряхъ—англичане велики,
Но въ обители грезъ, въ царствѣ сновъ золотыхъ
Мы, безспорно, остались владыки.
Гегемоніи нашей здѣсь полный просторъ,
Здѣсь мы сильны и полны свободы...
И нѣтъ зависти въ нѣмцахъ, что тамъ, на землѣ,
Утвердились другіе народы"...

Теперь... иныя времена, иные нравы, —иныя пѣсни.

„А ты, Германія, дай волю своему гнѣву!
Съ желѣзнымъ сердцемъ рази милліоны враговъ!
До облаковъ и выше самыхъ высокихъ горъ
Громозди дымящіяся тѣла и человѣческія кости!
Дерзкаго врага ударь штыкомъ прямо въ грудь!
Сражайся въ воздухѣ и въ морскихъ глубинахъ!
Въ пустыню обрати сосѣднія страны, испепели города ихъ!
Плѣнныхъ не бери! насыть свою злобу и ненависть!!"

Такія пѣсни поютъ современные нѣмцы, корчащіе изъ себя какихъ-то каннибаловъ-людоѣдовъ, между тѣмъ какъ по своей природѣ они не больше, какъ разжирѣвшіе и разсвирѣпѣвшіе бюргеры-мѣщане.

IV. Мѣщане.

Мѣщанство, бюргерство—вообще отличительная черта нѣмцевъ; но „государственный режимъ“ Бисмарка придалъ этой чертѣ національнаго характера особый специфическій отпечатокъ, развивъ и усиливъ ея отрицательныя стороны. Мѣщанинъ отличается тѣмъ, что никто, какъ онъ, не склоненъ ограничивать свой кругозоръ, тѣмъ, что его непосредственно окружаетъ, и отдѣлять „свое“ отъ „чужого“. При этомъ все „свое“ въ глазахъ мѣщанина хорошо, все „чужое“ никуда не годится. И вотъ, пока нѣмецъ жилъ въ предѣлахъ исключительно своего „фатерлянда“, онъ составилъ себѣ опредѣленный кодексъ главнымъ образомъ семейныхъ добродѣтелей, разсчитанныхъ на „своихъ“: трудолюбіе, честность, аккуратность, исполнительность, повиновеніе. По этому кодексу жилъ онъ много, много лѣтъ и слылъ среди сосѣдей за нѣсколько тупого, но все же за хорошаго, примѣрнаго человѣка. Но вотъ ему, особенно со времени франко-прусской войны, начинаютъ набивать

голову разными идеями о великомъ призваніи, о міровой миссіи, о необходимости „завоевать себѣ мѣсто подъ солнцемъ“, и голова мѣшанина закружилась. Мѣщанинъ возроптал: „какъ, я—самый трудолюбивый человѣкъ въ Европѣ; я работаю больше всѣхъ, слѣдовательно, я выше всѣхъ; другіе народы низшіе, потому что они бездѣятельны; я ихъ долженъ покорить“. Какими средствами? Мѣщанинъ въ средствахъ неразборчивъ, особенно если затронуть его карманъ. Обманъ и шантажъ, подкупъ и захватъ, насиліе и жестокость возведены не только германскимъ правительствомъ, но и обществомъ чуть ли не въ правило въ борьбѣ за „право существованія“,—а нѣмецъ всегда борется за эти права съ сосѣдями, все равно, состоитъ ли онъ съ ними въ войнѣ, или въ мирѣ. Эти пріемы въ особыхъ иллюстраціяхъ не нуждаются: двойное подданство, развитіе колоній—военныхъ поселковъ съ спеціальными порученіями отъ германскаго военнаго штаба, образованіе въ чужихъ государствахъ подкупленной печати, отстаивающей нѣмецкіе интересы, провокація среди народныхъ массъ, проявившаяся, напр., передъ войной въ Петроградѣ, захватъ торговыхъ рын-

ковъ при помощи всюду снующихъ агентовъ и пресловутыхъ made of Germany, жестокость, проявляемая надъ беззащитными ранеными даже со стороны дѣтей, насилія надъ женщинами, напоминающія не европейцевъ, а башибузуковъ,—и наряду съ этимъ беззастѣнчивое утвержденіе, что единственная настоящая нравственная культура есть культура германская,—въ основѣ всего этого лежитъ самодовольное, зазнавшееся, набалованное успѣхами и въ то же время крайне ограниченное и безсердечное мѣщанство, и больше ничего.

Мѣщанину свойственна запасливая осторожность и грошевая разсчетливость. Изъ исторіи современной войны можно привести шедевры этого рода. Оказывается, въ нѣмецкомъ штабѣ, въ предвидѣніи упрековъ, которые могли подняться противъ заранѣе, еще до войны, намѣченныхъ жестокихъ военныхъ репрессій, заранѣе же выработаны были и проекты возраженій. Бѣда лишь въ томъ, что въ разгарѣ войны жестокіе инстинкты разгорѣлись настолько, что всѣ эти заготовленныя оправданія оказались слишкомъ слабыми предъ вопіющей дѣйствительностью. А какъ вамъ понравится разсужденіе нѣмецкаго юри-

ста профессора о томъ, кому, раненому или государству, принадлежитъ осколокъ шрапнели, извлеченный изъ раны? Или десять заповѣдей, составленныхъ для добраго патріота, въ которыхъ запрещается, между прочимъ, „осквернять германскую землю, германскій домъ, германскую промышленность пользованіемъ иностранными машинами и мастерами, подавать къ столу иностранное мясо, пить иностранное вино или иностранный кофе!“ Этимъ мѣщанствомъ заражены всѣ нѣмцы повально, снизу до верху: ихъ кайзеръ не находитъ лучшаго способа поощрить войска къ взятію Варшавы, какъ обѣщаніе заплатить каждому изъ нихъ 20 руб., а русскаго солдата думаетъ переманить на свою сторону посулами заплатить по 7 руб. за казенную винтовку. Тотъ же кайзеръ любезно разрѣшаетъ посѣтителямъ осмотръ своего весьма дешево купленнаго и отстроеннаго замка Ахиллейонъ на островѣ Корфу—за сходную цѣну 70 пфенниговъ.—„Знаете ли вы,--говорила одна русская дама, которой пришлось прожить среди нѣмцевъ первые мѣсяцы войны,--о чемъ теперь особенно сокрушаются нѣмцы? Они кричатъ и жалуются: „Сколько же намъ будетъ стоить прокормить всѣхъ этихъ

плѣнныхъ?“ Ихъ занимаетъ счетъ расходовъ. Въ душѣ каждаго нѣмца лежитъ разсчетная книжка. Все къ ней приноровлено, все съ ней сообразовано. Нѣмцы—глубоко нехудожественная нація, глубоко некрасивая нація. Живя среди нихъ, все находишь въ высшей степени удобнымъ, но самая жизнь ихъ скучна, безсодержательна, неинтересна. Съ ними не о чемъ поговорить. Если безъ кого можно обойтись въ мірѣ, то это безъ нѣмца. Вотъ ужъ безъ кого не затоскуетъ душа, не защемитъ сердце“...

Въ нападкахъ на русскихъ варваровъ нѣмцы съ особымъ злорадствомъ обрушиваются на нашу семью, въ частности на нашу женщину. Но что представляетъ изъ себя современная нѣмецкая женщина, особенно въ такихъ большихъ центрахъ, какъ, напр., Берлинъ? Всезнающій и вездѣсущій кайзеръ милостиво ограничилъ сферу дѣятельности нѣмки четырьмя „к“: „Küche-Kleider-Kinder-Kirche“. Нѣмецкая женщина въ его представленіи должна быть „идеаломъ домовитости“, облегчая трудъ мужчины и дѣлая его жизнь возможно болѣе удобной и пріятной. До извѣстной степени ожиданія кайзера оправдались: женская эмансипація, и безъ того въ Германіи не

особенно сильная, была задержана; но такъ какъ современная семья подъ вліяніемъ измѣнившихся условій жизни совершенно утратила прежній патріархальный характеръ, сообщавшій нѣмецкой женщинѣ мягкій, поэтическо-сантиментальный колоритъ, то эта домовитость приняла какой-то грубый и цинично-торговый отпечатокъ. Нигдѣ, кажется, въ такой степени, какъ въ Германіи, не развита откровенная погоня за женихами. Въ свои студенческіе годы въ Лейпцигѣ, во время побывокъ въ Берлинѣ, я поражался беззастѣнчивыми, громкими разговорами маменекъ съ дочерьми въ ресторанахъ на эту тему; ихъ любимой, чуть-ли не единственной газетой за чашкой кофе служитъ *Heiratszeitung*. Когда началась война, германскія семьи сильно встревожились за участь своихъ дочерей, опасаясь, что потери, понесенныя германской арміей, понизятъ шансы дѣвушекъ на выходъ замужъ. Вопросъ дебатировался на страницахъ журналовъ и газетъ, при чемъ нѣмки утѣшали себя надеждами, что, въ случаѣ побѣды, въ странѣ наступитъ экономическій расцвѣтъ, который усилитъ стремленіе нѣмцевъ образовать семью, какъ это было послѣ франко-прусской войны, когда число браковъ

поднялось до 10 на тысячу жителей.

Современная нѣмецкая женщина жестока и кровожадна. Такъ, писательница Ида Бой, въ отвѣтъ на обращеніе англійскихъ женщинъ къ женщинамъ Германіи съ привѣтствіемъ и напоминаніемъ о призваніи женщинъ, даетъ слѣдующій характерный отвѣтъ: „Во мнѣ пылаетъ смертельная ненависть къ Англіи: англичане оскорбили Германію болѣе, нежели другіе народы. Морякъ, живущій на водѣ и среди отважныхъ людей, обычно чувствуетъ удивительное преклоненіе предъ женщинами и дѣтьми,—но даже и онъ долженъ быть непреклоненъ относительно англійскихъ женщинъ и дѣтей, такъ какъ онѣ—жены и дѣти англичанъ, ведущихъ съ нами войну. Существуетъ не только святая любовь, но и святая ненависть: эту ненависть носимъ мы, германскія матери и жены, въ своемъ сердцѣ и отбрасываемъ въ сторону всякіе разговоры о гуманности“. Нечего поэтому изумляться, если среди нѣмецкихъ сестеръ милосердія на поляхъ битвъ встрѣчаются такія, которыя выкалываютъ глаза и перепиливаютъ горла раненымъ, какъ то было засвидѣтельствовано во Франціи, или, если въ Восточной Пруссіи старуха, брошенная

своими, голодная, отогрѣтая и накормленная нашими солдатами, какъ потомъ оказалось, занималась по ночамъ тайнымъ убійствомъ своихъ же кормильцевъ. Разсчетливость и домовитость сдѣлала изъ нѣмки во время войны „мародерку“. Вслѣдъ за мужьями нѣмки являются въ пограничныя области Бельгіи и Польши, укладываютъ на захваченныя фуры и увозятъ къ себѣ домой nach Vaterland домашній скарбъ, съѣстные припасы (напримѣръ, вырытую близъ Калиша картошку) и требуютъ отъ мужей присылки цѣнныхъ вещей. „Милый Генрихъ,—пишетъ одна такая хозяйка:—подарки твои получили и тебя благодаримъ; но, по правдѣ сказать, сравнивая ихъ съ полученными другими, мы думаемъ, что и ты могъ бы прислать намъ что-нибудь получше“. —„Когда нашъ полкъ стоялъ въ Бендинѣ,—пишетъ одинъ пруссакъ своей благовѣрной,—я былъ увѣренъ, что сумѣю послать тебѣ много цѣнныхъ подарковъ. Но, увы! Оказалось—мы опоздали: насъ опередили другіе“. Флиртъ также пустилъ глубокіе корни среди нѣмецкихъ дамъ, такъ что хваленое нѣмецкое цѣломудріе приходится отнести въ область преданій. Всѣмъ извѣстны нравы въ полковыхъ

нѣмецкихъ семьяхъ, гдѣ menage à trois представляетъ вовсе не исключительное явленіе; коменданты издаютъ строгіе приказы по адресу сестеръ милосердія, завязывающихъ съ плѣнными французами любовные романы; въ газетахъ молодыхъ женщинъ или вдовъ, которыя въ виду войны чувствуютъ себя одинокими и испытываютъ потребность въ мужскомъ обществѣ, приглашаютъ заявить о томъ въ экспедицію; не особенно давно въ нѣмецкой прессѣ обсуждался вопросъ о пристрастіи нѣмецкихъ дамъ къ экзотическимъ чернокожимъ кавалерамъ и т. п. Такъ-то бисмарковскій мѣщанинъ затопталъ въ грязь очаровательную гётевскую Гретхенъ и превратилъ въ ее экономку, мегеру или въ еще худшее.

Въ современной Германіи большую роль играетъ вліятельный и характерный классъ, который какъ-то особенно оттѣняетъ обратную сторону нѣмецкой культуры—это „прусское юнкерство". Несмотря на всѣ соціальные перевороты послѣдней половины XIX в. прусское юнкерство составляетъ особую, замкнутую касту; оно не хочетъ жить вмѣстѣ и смѣшиваться съ окружающими, гордо хранитъ свои традиціи, свое презрѣніе къ купцу и

этимъ „бюргерскимъ канальямъ“, не брезгуя только при случаѣ ихъ капиталами. Юнкера считаются оплотомъ королевской Пруссіи, вѣрными слугами своего отечества и короля, на дворъ и особу котораго они оказываютъ больное вліяніе: „Ist der Kaiser absolut, wenn er unseren Willen thut“, гласитъ поговорка, сложенная юнкерами. Изъ ихъ рядовъ выходитъ прусское офицерство, прославившее себя въ мирное время истязаніями солдатъ, а въ военное—во главѣ съ кронпринцемъ—заявившее себя прямо грабителями, потомками тѣхъ бароновъ, которые обирали на большихъ дорогахъ путешественниковъ. Юнкера пользуются массой преимуществъ сравнительно съ другими сословіями. Ихъ имѣнія не подлежатъ ни наслѣдственному раздробленію, такъ какъ переходятъ цѣликомъ къ старшему въ родѣ, ни экономическому отягощенію, такъ какъ свободны отъ долговъ, ни, наконецъ, продажѣ или парцелляціи, такъ какъ не могутъ быть проданы ни съ торговъ, ни по добровольному соглашенію.

Завѣтныя вотчины охватываютъ собой громадныя пространства земли въ Восточной Пруссіи, почитаемой житницей имперіи. Для русскаго понима-

нія эти вотчинные участки являютъ собой нѣчто весьма странное: въ нихъ юнкеръ-аграрій въ своей единой особѣ представляетъ какъ бы цѣлую общину: онъ самъ на себя налагаетъ подати для содержанія школъ и дорогъ, самъ контролируетъ и расходуетъ суммы и пользуется крупными политическими, особенно же полицейскими правами.

Какъ это ни странно, но „юнкерство" опять-таки продуктъ „бюргерскаго" по преимуществу настроенія нѣмецкой націи. Мѣщанинъ любитъ парадъ и помпу, жаждетъ феерій и церемоній и, будучи хамомъ въ душѣ, гордится блескомъ и великолѣпіемъ своихъ господъ. Въ Германіи иностранца, особенно русскаго, поражаетъ необыкновенное пристрастіе къ всевозможнымъ титуламъ. Чиновникъ именуетъ себя императорскимъ или королевскимъ, народный учитель — княжескимъ или герцогскимъ, даже стрѣлочникъ и кондукторъ—и тѣ или королевскіе, или княжескіе. Тотъ, кто къ своей фамиліи можетъ прибавить частички „von, auf, zu", чувствуетъ себя существомъ, созданнымъ совершенно изъ другого тѣста, нежели человѣкъ безъ этихъ Partikelchen. Про Куно Фишера, одного изъ наиболѣе

просвѣщенныхъ профессоровъ-философовъ, разсказываютъ, что онъ на обращеніе къ нему одного иностранца, назвавшаго его просто г-мъ профессоромъ, съ гнѣвомъ отвѣчалъ: „Я —ваше пр-о, а не профессоръ“. Даже жены чиновниковъ носятъ соотвѣтственные титулы: Frau Doctor, Frau Professor, Frau Director и т. д.

Такъ вотъ это-то юнкерство и это раболѣпное преклоненіе предъ нимъ также налагаетъ особую печать на нѣмцевъ и съ особой силой проявляется на войнѣ. Нѣмецкая жестокость объясняется въ значительной степени тѣмъ, что во главѣ офицерства стоятъ юнкера - аграріи. Послушаемъ одного изъ такихъ лицъ—фаворита кайзера, командовавшаго международнымъ отрядомъ во время боксерскаго движенія въ Китаѣ,—генерала Вальдерзее. Вотъ что пишетъ онъ въ своей брошюрѣ, изданной въ Берлинѣ въ 1887 г. подъ заглавіемъ „Военные парадоксы“:

„Если война станетъ неизбѣжной, повторять старыхъ ошибокъ нельзя. Нѣмецкая армія не должна быть христіанской, великодушной, какой она была въ 1870 г. Нужно будетъ, какъ сказалъ Бисмаркъ, выпустить всю кровь. Нечего щадить города или се-

ленія, въ которыхъ раздастся хоть одинъ выстрѣлъ. Ихъ нужно сравнять съ землей, захватить возможно больше гражданъ и разстрѣлять ихъ. И такъ продолжать безъ отдыха. Если хотѣть добиться глубокаго мира, нужно дѣйствовать болѣе радикально и замѣнить войну противъ арміи полнымъ уничтоженіемъ народовъ. Послѣ окончательнаго пораженія на полѣ битвы начнется борьба противъ женщинъ и дѣтей, и, наконецъ, когда всѣ физическія силы народа будутъ истощены, побѣжденная раса погибнетъ навсегда". Что же удивительнаго, если въ дневникѣ одного изъ убитыхъ нѣмецкихъ солдатъ подъ 21 августа читаемъ: „Также полученъ приказъ по бригадѣ, чтобы всѣхъ французовъ, раненыхъ или нѣтъ, попавшихъ въ наши руки, убивать и никого въ плѣнъ не брать". И эта офицерская жестокость вовсе не есть что-либо новое, проявившееся въ эту войну. Такими же выказали себя пруссаки и во время франко-прусской войны: тѣ же насилія, грабежи, попраніе законовъ божескихъ и человѣческихъ, причемъ тонъ всегда давался свыше. „Можно ли вѣрить въ прогрессъ и цивилизацію, глядя на все, что творится,—пишетъ своей племян-

ницѣ Густавъ Флоберъ,—на что нужна наука, когда народъ, среди котораго столько ученыхъ, позволяетъ себѣ гнусности, достойныя гунновъ, и даже худшія, потому что онѣ совершаются систематически, хладнокровно, преднамѣренно и не могутъ быть оправданы ни страстью, ни голодомъ... Каннибалы не навели бы на меня такого ужаса, какъ эти офицеры, которые въ бѣлыхъ перчаткахъ разбиваютъ зеркала, которые знаютъ по-санскритски и набрасываются на шампанское, которые крадутъ ваши часы и затѣмъ посылаютъ вамъ свои визитныя карточки,—какъ эта война ради денегъ, и какъ эти цивилизованные дикари".

Нѣмецкіе офицеры, нѣмецкій штабъ не щадятъ и своихъ. Кайзеръ перебрасываетъ войска съ фронта на фронтъ, не давая имъ отдыха, генералы посылаютъ солдатъ въ атаку, напоивъ ихъ эѳиромъ, густыми колоннами, обрекая на вѣрную смерть цѣлыя дивизіи; когда одного плѣннаго нѣмецкаго офицера спросили, почему у нихъ не щадятъ людей, онъ, не колеблясь, отвѣтилъ: „Это все дрянь, такихъ у насъ много; ихъ жалѣть нечего; лучшіе кадры мы оставили про запасъ". Со своихъ убитыхъ нѣмцы

стаскиваютъ обмунцировку и надѣваютъ ее на свѣжихъ новобранцевъ. Вообще весь режимъ въ нѣмецкой арміи, при всѣхъ ея хваленыхъ порядкахъ, проникнутъ непонятнымъ для насъ „классовымъ“ презрѣніемъ офицера къ рядовому и какимъ-то „машиннымъ“ безсердечіемъ. Эту черту также подмѣтили наши наблюдательные солдатики, которые, особенно въ нынѣшнюю войну, привыкли къ совсѣмъ иному обращенію съ ними со стороны офицерства и высшаго начальства.

„Нѣмцы народъ ничего. И дерутся другой разъ хорошо, здорово. Да только что нѣмцы—такъ нѣмцами и останутся. Нѣтъ у нихъ ничего душевнаго, человѣческаго въ сердцѣ. Холодный, безчувственный народъ, жестокосердый. Вотъ хоть бы офицеры ихніе, очень ужъ они съ солдатами грубо обращаются. У нихъ, разсказываютъ которые плѣнные, офицеру никакъ не обойтись, чтобы не смазать солдата по щекѣ, или не дать зуботычину, или подзатыльникъ. Прямо, говорятъ, зубы вышибаютъ. Хлыстами бьютъ: рубцы по всему лицу. Раненыхъ они, нѣмцы, не только русскихъ, даже и своихъ-то добиваютъ. Куда, говорятъ, намъ ихъ съ собой

таскать. Да спервоначалу обшарятъ ихъ, все заберутъ. Машины, да и только".

V. Не люди, а машины.

Какимъ образомъ среди націи мыслителей и мечтателей могъ явиться и развиться такой машинный взглядъ на людей, какъ на пушечное мясо? Мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ сказалось вліяніе третьяго могучаго фактора современной нѣмецкой культуры —развитіе научной техники, какъ въ области промышленности (лабораторіи, фабрики, заводы), такъ и особенно въ области военной (пушки, цеппелины, подводныя лодки). И мы едва ли сдѣлаемъ ошибку, если на ряду съ Фихте и Бисмаркомъ поставимъ третью колоссальную фигуру современной Германіи — пушечнаго короля Круппа. Исторія этого человѣка, вѣрнѣе, цѣлой семьи, какъ въ оптическомъ фокусѣ отражаетъ движеніе современной нѣмецкой промышленности, ярко окрашенное милитаристическимъ духомъ. Круппъ и милитаризмъ, милитаризмъ и Круппъ—два неразрывныхъ понятія; не будь перваго, не было бы и второго, и наоборотъ. Круппъ родился и выросъ на почвѣ милитаризма, милитаризмъ развился и

окрѣпъ, благодаря Круппу. Маленькая мастерская Круппа появилась въ Эссенѣ въ 1812 году, когда униженная и обиженная Наполеономъ Германія собирала національныя силы и просыпалась къ самостоятельной исторической жизни. Основавъ свою небольшую мастерскую, Круппъ вначалѣ поставилъ себѣ весьма скромную задачу научиться выдѣлывать сталь, которая по своимъ качествамъ не уступала бы англійской. Несмотря на первыя неудачи и равнодушіе общества, онъ неутомимо работаетъ въ своей мастерской, и мало-по-малу ему таки удается вытѣснить англійскую сталь съ нѣмецкаго рынка. Послѣ его смерти дѣло переходитъ въ руки его 14-лѣтняго сына, который оказывается достойнымъ своего отца. Съ истинно нѣмецкой настойчивостью, питаясь однимъ картофелемъ и хлѣбомъ, закладывая домашнее серебро, чтобы расплатиться съ рабочими, онъ весь отдается отцовскому предпріятію—и дѣло растетъ. При отцѣ было 10 рабочихъ, обороты достигали 3.000 талеровъ; при сынѣ 70 человѣкъ рабочихъ, обороты 11.000 талеровъ. Но пока Круппъ-сынъ ставитъ себѣ попрежнему задачу конкуррировать въ добротности съ англійской сталью;

онъ не собирается убивать людей. Въ 1847 году Круппъ отливаетъ первую пушку, въ 1855 году выставляетъ на всемірной выставкѣ въ Парижѣ пушку, которая безъ поврежденія можетъ сдѣлать 300 выстрѣловъ 12-фунтовыми ядрами. Круппу начинаютъ дѣлать заказы, и онъ добросовѣстно выполняетъ ихъ, проявляя полное безразличіе, для кого онъ работаетъ. Война датская и особенно франко-прусская еще болѣе содѣйствуетъ расцвѣту его славы; „пушки" Круппа пріобрѣтаютъ всемірную извѣстность; ихъ опустошительное дѣйствіе изображается очевидцами въ потрясающихъ картинахъ. Въ дальнѣйшемъ Круппъ ставитъ себѣ двѣ цѣли: съ одной стороны онъ совершенствуетъ орудія убійства, съ другой орудія обороны: наряду съ пушками онъ начинаетъ выдѣлывать броню. Совершенствуются пушки—совершенствуется броня. Пушка и броня играютъ въ какую-то безумную чехарду, поочередно перепрыгивая другъ черезъ друга. Выдѣлка пушекъ и брони становится новой отраслью знанія и техники, и нѣмцы разрабатываютъ эту новую дисциплину „пушковѣдѣніе" съ присущей имъ добросовѣстностью и аккуратностью, упорствомъ и глубокомысліемъ. Де-

сятки дипломированныхъ ученыхъ продѣлываютъ безчисленные опыты, изготовляютъ безконечные чертежи: открытія и усовершенствованія въ этой области слѣдуютъ одно за другимъ. Въ 1888 году изобрѣтаются скорострѣльныя 13 - сантиметровыя пушки; въ 1890 г.—15-сантиметровыя, въ 1895 году—24 сантиметровыя, въ 1899 г.—30,5 сантиметровыя, въ настоящую войну—знаменитыя 42-сантиметровыя. У Круппа въ лабораторіяхъ работаютъ и представители такъ называемой „чистой науки“; онъ не жалѣетъ для нихъ денегъ, требуя лишь одного —всѣ результаты ихъ работы должны принадлежать ему, Круппу. Странно видѣть этихъ мирныхъ людей, въ черныхъ пиджакахъ, съ прозаическими очками на носу, окончившихъ университетскій курсъ, скромныхъ, положительныхъ филистеровъ, только и думающихъ о томъ, какъ бы изобрѣсти такое новое орудіе, которое на наибольшемъ разстояніи поражало бы наибольшее число людей. Цѣлый городъ выросъ вокругъ завода въ Эссенѣ, и сотни тысячъ людей живутъ въ зависимости отъ успѣховъ и щедротъ пушечнаго короля. Круппъ также становится національнымъ героемъ; его имя затмеваетъ имена Шиллера и Гё-

те. Но роль Круппа не ограничивается работой на милитаристическій спросъ; Круппу при ростѣ предпріятія нужны заказчики со всего свѣта, а для этого ему нужно всюду сѣять вражду и весь міръ держать подъ ружьемъ. Здѣсь къ его услугамъ является наемная пресса. Хорошо оплачивая печатные органы, Круппъ требуетъ отъ нихъ разжиганія международной вражды и натравливанія одного государства на другое.

Такъ промышленникъ-фабрикантъ идетъ бокъ о бокъ съ политикомъ крови и желѣза: оба сѣютъ вражду въ Европѣ и оба поддерживаютъ и питаютъ роковую болѣзнь Германіи—„манію величія, мечту о міровомъ господствѣ“.

Въ 1912 г. Круппъ IV справлялъ столѣтній юбилей завода съ такой пышностью, которая не выпадала въ Германіи на долю ни одного ученаго или художника. Пресса славила его на тысячу голосовъ, германская императрица сидѣла рядомъ съ Круппомъ IV, императоръ говорилъ комплименты правнучкѣ Круппа I. Остальные знатные гости въ блестящихъ мундирахъ и фракахъ произносили тосты, поднимали бокалы за „великаго мужа“ и за успѣхъ его дѣла. А со стороны глядя,

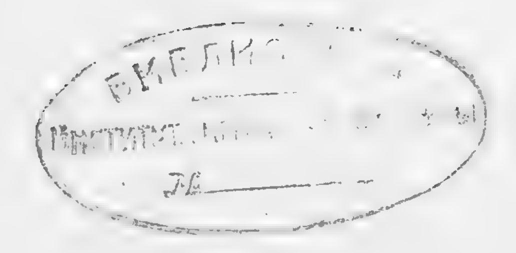
жутко становилось отъ этого „кроваваго пира“. Въ самомъ центрѣ Европы раскинулась страна, густо населенная, въ культурномъ отношеніи передовая, съ цвѣтущими городами и весями, славная искусствами и науками, съ образованнымъ населеніемъ, міровой торговлей и промышленностью. Населеніе этой страны вышло въ большіе, историческіе люди изъ бѣднаго и низкаго состоянія неусыпными трудами, рѣдкой способностью отказывать себѣ во всемъ ради обезпеченнаго будущаго и изумительной внутренней дисциплиной. Удачи сопровождали его начинанія. И что же? И наука, и искусство, и французскіе милліарды, и самая нравственность принесены были въ жертву „Молоху войны“, и нѣмцы сдѣлались какимъ-то „кошмаромъ“ всей Европы, мечась и изнывая въ тщетныхъ поискахъ друзей и союзниковъ среди другихъ націй. Бронированный кулакъ, обсмакованный патріотами-философами, занесенный Бисмаркомъ, вооруженный Круппомъ, заставилъ всѣхъ отшатнуться и оставилъ Германію въ рѣшительный моментъ борьбы „одинокой, изолированной“. И въ безсильной ярости, предсмертныхъ судорогахъ, предводимая позеромъ-кайзеромъ, мечется „себя самоё“ за-

бывшая страна, перевозитъ армію съ запада на востокъ, съ востока на западъ, и тщетно стучится о рѣшетку желѣзной клѣтки, въ которую запираютъ ее, облегая все тѣснѣе и тѣснѣе, союзныя арміи великихъ державъ. Уже прежніе друзья—американцы требуютъ, чтобы посадили наконецъ на цѣпь бѣшеную европейскую собаку... Близокъ послѣдній, судный часъ...

Пройдетъ немного лѣтъ... Вслѣдъ за уничтоженіемъ мощи политической померкнетъ и слава нѣмецкой культуры. Миражъ предъ глазами разсѣется, и мы увидимъ, что то, чему мы поклонялись, былъ въ своей сущности пустой фантомъ. И вслѣдъ за нашими солдатами, простой душой, среди лѣсовъ и болотъ, сидя въ окопахъ разгадавшихъ секретъ „нѣмецкой" души, и мы скажемъ: „нѣтъ, это еще не есть настоящая цивилизація". Пытаться сдѣлать изъ человѣка „машину", начать превращать его съ дѣтскихъ лѣтъ, со школьной скамьи въ усовершенствованный „механизмъ", ключъ отъ котораго и заводъ котораго лежитъ въ рукахъ его королевско-прусскаго и императорско-германскаго величества, значитъ не воспитывать, а пор-

тить цѣлую націю, значитъ посягать на божественный образъ человѣка и превращать его безсмертную душу въ какую-то механическую куклу. „Да не будетъ этого съ нами, да не будетъ!“

Не въ томъ призваніе Россіи,
Не для того мы лили кровь:
Предъ нами крестъ Св. Софіи,
Девизъ нашъ правда и любовь.

Дозволено Военной Цензурой.
Гор. Варшава, 30 марта 1915 года.

